

Русский героический эпос и его роль в формировании представлений о государстве и праве: на примере былин об Илье Муромце

Ю. В. Ерохина

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Мароновский пер., 26, 119049, Москва, Россия. E-mail: yulia-erohina@yandex.ru; uerohina@gaugn
Общегосударственная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия
Пятницкая ул., 4/2, стр. 1, 150035, Москва, Россия. E-mail: yulia-erohina@yandex.ru;
uerohina@gaugn*

В статье предпринимается попытка анализа героического эпоса в качестве источника, стержневая идея которого – единое государство и его величие. Используется сравнительный метод, позволяющий выделить основные сходства и различия в некоторых версиях героического эпоса о богатыре Илье Муромце. В ходе исследования автор пришел к выводам о том, что советская власть использовала культурное наследие (былины) как инструмент для формирования нового мировоззрения, соответствующего своим идеологическим установкам. Героический эпос, несмотря на свою художественную ценность и способность пролить свет на отдельные аспекты прошлого, не может считаться самостоятельным историческим источником в современном научном понимании. «Правовое эпосоведение» как перспективное направление гуманитарного знания способствует более глубокому пониманию корней правовой культуры, истоков концепций справедливости и правды, а также значимости культурного наследия в формировании правосознания и основ российской государственности.

Ключевые слова: героический эпос, правовое эпосоведение, Илья Муромец, государство и право, основы российской государственности.

Russian Heroic Epic and Its Role in Shaping Ideas about the State and Law: Case Study of the Epic Poems about Ilya Muromets

Yu. V. Yerokhina

*State Academic University for the Humanities
26, Maronovsky Ln, Moscow, 119049, Russia. E-mail: yulia-erohina@yandex.ru; uerohina@gaugn
Saints Cyril and Methodius Institute of Postgraduate Studies
1 Bld, 4/2, Pyatnitskaya St, Moscow, 150035, Russia. E-mail:
yulia-erohina@yandex.ru; uerohina@gaugn.ru*

The article attempts to analyze the heroic epic as a source reflecting the main content of epics – the interests of the state, as well as the core idea – a single state and its greatness. A comparative method is used to highlight the main similarities and differences in some versions of the heroic epic about bogatyr Ilya Muromets. In the course of the study, the author came to the conclusion that the Soviet government used cultural heritage (epics) as a tool to form a new worldview that corresponds to its ideological attitudes. The heroic epic, despite its artistic value and ability to shed light on certain aspects of the past, cannot be considered an independent historical source in the modern scientific sense. “Legal epic studies” as a promising area of humanitarian knowledge contributes to a deeper understanding of the roots of legal culture, the origins of the concepts of justice and truth, as well as the significance of cultural heritage in the development of legal awareness and the fundamentals of Russian statehood.

Key words: heroic epic, legal epic studies, Ilya Muromets, state and law, fundamentals of Russian statehood.

Правды надо держаться, – истину надо искать.

М. М. Пришвин

Произведения героического эпоса – былины – предоставляют собой уникальную призму, через которую можно изучать отдельные аспекты государства и права. Анализируя эпос, ученые могут получить представление о культурных и социальных контекстах, где формируются и действуют право и государственная власть. Этой проблеме посвящен ряд научных работ отечественных и зарубежных авторов [Коньратбай 2025; Петров, Кибасова 2014; Чернобай 2014; Charman 2017; FitzHerbert 2017; Bendix, Hasa-Rokem 2012], но познавательный характер эпоса в изучении истории и теории государства и права, основ российской государственности не входил в число их исследовательских задач.

А. С. Миронов утверждает, что «потенциал героического эпоса не задействован образовательными учреждениями, не реализован в культурно-просветительской деятельности и в деле патриотического воспитания» [Миронов 2021: 4]. Действительно, былины как памятники устного народного творчества служат ценным источником для понимания менталитета, общественных устоев и представлений о справедливости в Древней Руси, дополняющим летописные данные. В связи с этим при ознакомлении с героическим эпосом необходимо выявить стержневую идею, заложенную в былинах, – единое государство, его величие и формирование представлений о праве, долге, справедливости, показать их связь с мифологией и отечественной историей, выявить особенности поэтики фольклорных произведений. Начало русского эпоса обычно определяется X в., т. е. образованием Русского государства. С данного времени следует говорить о русской народности, а до этого речь может идти не о народе, а о группе восточнославянских племен, живущих родовым строем [Пропп 1958: 24].

Нужно отметить, что власть в былинах представлена фрагментарно, единой картины властных отношений нет, их следы относятся к различным периодам и событиям. Прежде всего, замысел былины реализуется во множестве вариантов одного и того же сюжета и может быть установлен только из их совокупности. Речь, по сути, идет о некоем условном подвижном, включающем в себя множество вариантов, иногда и версий, тексте. Из него и проявляется целостная, законченная, хотя и нередко противоречивая, картина общего замысла, присущего данному сюжету, с учетом, однако, всевозможных расхождений, имеющих в отдельно взятых вариантах.

У данной тематики хороший потенциал для будущих исследований на материале произведений героического эпоса и других жанров устного народного творчества. Поскольку исследования героического эпоса носят междисциплинарный характер (социоллингвистика, различные отрасли филологии, фольклористика, культурная антропология, сравнительное литературоведение, юриспруденция и пр. [FitzHerbert 2017]), то возможно формирование нового междисциплинарного направления – «правового эпосоведения», исследующего связь эпоса и права, анализирующего то, как правовые нормы, обычаи и представления отражались в эпосе, и, наоборот, как эпос формировал правовые взгляды и влиял на социальный порядок в древних культурах.

В основу настоящего исследования положен материал былин об Илье Муромце, сыне Ивановиче, богатыре, крестьянском сыне, приехавшем в Киев из города Муром, из села Карачарова [Козловский 2016]. Важным является христианский хронотоп произведения. Главные события в нем происходят на Пасху, когда родился Илья Муромец [Захарова 1998: 288]. Его канонизировали как местночтимого святого через 500 лет после смерти (по разным данным: в 1643 г. или в 1684–1690 гг.). Общецерковное почитание было установлено указами Святейшего Синода 1762, 1775 и 1784 гг. Он также включен в Собор Муромских святых (Православная энциклопедия 2009).

При рассмотрении правовых аспектов героического эпоса об Илье Муромце нами учитывается исследовательский подход Р. Ю. Почекаева к анализу пословиц и поговорок в юридическом контексте, который «перспективен для иных произведений народного эпоса и фольклора именно с точки зрения отражения действующего права и реальных правовых отношений в исторической памяти различных народов и государств» [Почекаев 2025: 98].

Всего рассмотрено около 100 различных редакций былин об Илье Муромце и о других богатырях, записанных собирателями фольклора в разное время (в XVIII–XX вв.) и в разных регионах России (в основном в Олонецкой и Архангельской губерниях и в Сибири). Предпринята попытка анализа текстов былин с учетом сопоставления некоторых деталей повествования, с определением вероятного периода описываемых в них событий, самих событий и лиц, которые могли явиться прообразами героев эпоса. Однако вопрос о том, в каком году или веке или в каком месте создавалась былина, может оказаться неправильно поставленным, так как процесс образования и развития былины длится столетиями. Утверждение, что отнесение былины к определенному году или десятилетию не всегда возможно, не исключает вопроса о хронологической определмости былин, а ставит его в иную плоскость [Пропп 1958: 24]. В связи с этим проблема времени ее возникновения требует самостоятельного исследования.

В XX в. изучение эпического наследия народов СССР занимало доминирующее положение. Принцип идеологизации коснулся былиноведения в большей степени, чем исследований других жанров, например, сказок, песен или заговоров. За былинным текстом стоит история, которая долгое время «перекраивалась» в духе «классовых интересов общества». Так, сложилась парадоксальная ситуация, когда былинные сюжеты о героях из окружения князя Владимира фольклористы вынуждены были рассматривать с точки зрения выражения в них идеологии крестьянства и городских низов [Русский фольклор 1995: 3].

Во вступительной статье к книге «С того света: Антирелигиозные мотивы народной поэзии», прозвучал призыв о том, что «...нужно решительно выступить против религиозных предрассудков, организовать широкую научно-

просветительную и агитационную пропаганду, в которой большое место может и должна занять наша народная поэзия... В народной поэзии очень ярко отображена борьба трудящихся против своих притеснителей. Так, например, в былинах об Илье Муромце, созданных еще в X веке, этот наиболее популярный народный герой грозит убить «собаку князя Владимира» и «сбить маковки церковные» [С того света 1959: 10].

Эта цитата, согласно марксистско-ленинской теории, раскрывает суть одной из основных форм классовой борьбы – идеологической. Позитивные или негативные качества былинного героя используются как оружие идеологической борьбы и направлены в нашем случае на дискредитацию главы государства и церкви.

Существует несколько вариантов древнерусских былин о подвигах Ильи Муромца. В них по-разному представлен эпизод, когда богатырь сшибает стрелой, выпущенной из лука, купола со зданий Киева. При этом цитируется именно тот вариант, который якобы поддерживает протестные настроения народа и антирелигиозную политику Советского государства. На самом деле причиной такого агрессивного поведения Ильи Муромца явилось его публичное унижение князем Владимиром, не узнавшим своего богатыря и предложившим ему занять место за столом в кругу челяди. Ссора между Муромцем и князем возникла отнюдь не из-за «борьбы трудящихся против своих притеснителей». Посредством представления неполной либо недостоверной информации в данном случае предпринята попытка убедить аудиторию в противодействии Ильи Муромца христианству и церкви.

Используется несколько редакций былины, в которой богатырь Илья Муромец повздорил с киевским князем Владимиром Красное Солнышко. Например, в одной из версий рассматриваемой истории «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром» этот эпизод описан так:

А Илейко, как повышел на широкий двор.

Тугой лук разрывчатый натягивал,

Каленую стрелочку накладывал,

Сам стреле да приговаривал:

«Ты лети-ка, стрелка, к кровлям златоверхим,

Поснимай-ка золочены маковки!»

Пали на земь золочены маковки,

Закричал Илья да во всю голову:

«Гой вы, голи, голюшки кабацкие,

Доброхоты княжеские!

Собирайтесь-ка на княжеский двор,

Обирайте золочены маковки,

Да несите во царев кабак,

Пейте зелена вина там досыта» (Книга Былин 1880: 153–154).

О маковках церковных здесь ничего не говорится. В былине нет даже намека на борьбу богатыря с христианством. Скорее, наоборот, показано его уважительное отношение к Богу. Беседуя с князем, Илья говорит:

...на сей раз Бог тебя простит

За твою вину да за великую! (Книга Былин 1880: 158).

В других редакциях этой же былины говорится, что Илья, гуляя по Киеву, ломал на церквах кресты, а затем сбивал и маковки золоченные (Онежские былины 1896: 38) или стрелял из лука по «чудным крестам Божьих церквей» и по «золоченым маковкам» (Онежские былины 1894: 322–323).

Богатырь сбивает золоченные маковки, но нигде в былинах не указано, что это церковные купола. Можно предположить, что они сбиты Илеей с княжеских палат или же с домов зажиточных киевлян.

В то же время нельзя оставить без внимания тот факт, что богатырь все-таки стреляет и по Божьим церквам, а затем выламывает кресты. Однако такое поведение Муромца можно объяснить.

Во-первых, для Древней Руси свойственно смешение языческих и христианских мотивов. Славяне верили, что боги служат для поддержания порядка, и у каждого из них свои обязанности. Князь Владимир в 980 г. провел реформу славянского язычества в Киевской Руси. Поставив на холме за теремным двором «деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь» (Повесть временных лет 2012: 54), он пытался создать общегосударственный языческий пантеон. После крещения Руси в 988 г. идолов повергли, и на месте пантеона князь построил церковь святого Василия (Повесть временных лет 2012: 79–81).

Как отмечает К. Е. Сигалов, «с первых лет введения христианства на Руси церковь становится крупным собственником движимого и недвижимого имущества. Это имущество предоставлялось церкви князьями, передавалось и завещалось различными собственниками – от бояр до обычных крестьян» [Сигалов 2014: 29]. Подчиненное положение церкви в Древнерусском государстве объясняется и тем, что церковная организация создавалась по инициативе и с материальной помощью княжеской власти [Бабошина, Гусейнова 2019: 323]. В связи с этим церкви, находящиеся в вотчине князя Владимира, могли восприниматься народом как собственность князя и приближенных к нему лиц. Следовательно, своими действиями Илья Муромец наносил ущерб не христианской церкви, а имуществу посрамившего его сановника.

Во-вторых, в середине XX в. выдвигалась гипотеза о том, что «...сюжет, рисуемый открытый бунт Ильи Муромца против князя и его дружбу с “голями”, оформлен был, очевидно, под влиянием социальных настроений XVII века – эпохи массовых народных движений против московского правительства и господствующих классов» [Илья Муромец 1958: 481]. Еще начиная с XVI в., меняется тематика эпоса, ведущей становится тема социальной борьбы. Возможно, именно в этот период создавалась былина о бунте Ильи против Владимира [Пропп 1958: 31]. С большой долей

вероятности можно предположить, что речь в былинах шла о казаке Илейке Муромце из отряда атамана Федора Бодырина. С. Ф. Платонов писал, что этого казака его сотоварищи «надумали назвать... царевичем Петром, сыном царя Федора. Так возник новый самозванец, имя которого должно было прикрыть покушение небольшой шайки на простой разбой» [Платонов 1901: 252]. Погубил он много бояр, воевод и дворян. Страдало от него и духовенство.

Народный богатырь Илья Муромец нигде и никогда не заявлял о своих антихристианских настроениях. В подтверждение этого тезиса приведем слова, сказанные Муромцем царю Калину в былине «Илья Муромец и Калин царь»:

...Постою еще за стольный Киев град,

Постою за церкви за Господния... (Книга Былин 1880: 176).

В былинах Илья Муромец с почтением и трепетом относится к Богу и православному христианству:

...У Ильюши воскова свеча горит,

Сам читает книгу он, евангелие... (Книга Былин 1880: 168).

Илья Муромец, обращаясь к воеводе Самсону Самойловичу и другим богатырям с просьбой защитить Киев от «собаки царя Калина», говорит:

...Хочет разорить собака стольный Киев град,

Хочет чернедь-мужичков повырубить,

Церкви божия на дым пустить,

Князю солнышку да голову срубить

Со княгиней стольной со Апраксией (Книга Былин 1880: 172).

Что же подразумевается под словами «массовые народные движения против московского правительства и господствующих классов»? Как известно, XVII в. для России – это время Смуты, когда был полностью нарушен государственный порядок. Незримо зревшая в течение долгого времени Смута разразилась при наступлении в начале XVII в. трехлетнего голода, когда появился и первый слух о спасшемся от смерти младшем сыне царя Ивана Грозного – царевиче Дмитрии. С этого момента в стране началась общая социальная и моральная дезорганизация.

Н. Н. Фирсов отмечал, что народ ненавидел бояр и считал их причиной всех своих бедствий [Фирсов 1918: 11]. По словам С. Ф. Платонова, не получающие жалования и корма казаки голодали и, кроме как грабежом, не видели возможности добыть себе пропитание [Платонов 1901: 252]. Последовало объединение разбойников в шайки, а затем в крупные преступные сообщества. В результате в 1603 г. появились хорошо организованные отряды под предводительством предшественника казачьих атаманов Смутного времени – Хлопка Косолапа. Не имея никаких политических целей, они занимались грабежами и убийствами. Несколько позже появились такие предводители-бунтари, как Иван Болотников, Степан Разин и др. С. Ф. Платонов считал, что Болотников, используя имя царевича Дмитрия, первый поставил целью народного движения не только политический, но и общественный переворот [Платонов 1901: 246].

Простому народу нужен был заступник, которым, по его мнению, являлся царь (в былинах им стал богатырь). Вот почему Болотников выступал от имени царевича Дмитрия, а Илейка Муромец назвался царевичем Петром – сыном царя Федора.

Илья Муромец неоднозначно относился к княжеской семье, но он не «держит зла» на правителя и не призывает к расправе над ним. Тогда почему появилось утверждение, что Илья Муромец грозит убить «собаку князя Владимира»? В былине «Илья Муромец и голи кабацкие» богатырь, вернувшись из дальних краев в Киев и сильно поиздержавшись, просит чумаков-целовальников отдать ему три бочки вина бесплатно, но получает от них оскорбительный отрицательный ответ. Тогда он сам забирает вино, зовет к себе голь кабацкую и угощает их. Сняв с себя шубу соболиную, обливает ее вином и приговаривает:

Уливайся, моя шуба, зеленым вином.

Судит ли мне Бог волочить собаку царя Галина

Да по этому лужочку зеленому,

А ему от моих белых рук плакати (Онежские былины 1900: 326).

Услышав такие речи из уст Ильи Муромца, обиженные на него чумаки-целовальники отправились к князю Владимиру и сообщили ему о самоуправстве богатыря. Князь в гневе распорядился запереть богатыря в погреб и не давать ему еды и воды 40 дней (Онежские былины 1900: 327).

Первоначально рассматриваемые в былинах события происходят сразу после крещения Руси. Первым законодательным актом того времени стал Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных (Древнерусские княжеские уставы 1976: 12–84). Согласно Уставу, определенные дела находились в ведении церковного суда. Светская власть не имела права вмешиваться в его судопроизводство. В перечень дел, по которым все граждане подлежали церковному суду, относились и дела о преступлениях против веры и церкви. Профессор Я. Н. Щапов отмечал, что право суда по преступлениям, направленным против церкви и религии, принадлежало самой церкви. Таким образом, в качестве судьи здесь выступал истец [Щапов 1972: 81].

Приняв решение о заточении Ильи Муромца в погреб, князь Владимир превысил свои полномочия, поскольку, согласно его же Уставу, рассмотрение таких дел находилось в компетенции церковного суда.

По словам И. Я. Фойницкого, «...в княжеской Руси мы встречаем заключение в порубы или погреба, но не в качестве наказания, а в значении меры предварительного или гражданского заключения...» [Фойницкий 1889: 314]. Получается, что и в этом эпизоде князь Владимир проявил неуважение к действующим правовым установлениям.

После того как вскрылся обман чумаков-целовальников, князь освободил Илью Муромца и попросил у него прощение. Богатырь оставляет обиду в прошлом и соглашается воевать с «собакой царем Калиным» не за наместника, а за веру христианскую и землю Русскую (Онежская былина 1900: 329–330).

В традиционной логике при рассмотрении существующих данных принимаются во внимание только два значения – истина или ложь. Для проведения классификации необходимо расположить данные в привычном порядке, проанализировать их и получить результат. Однако в случае с былинами об Илье Муромце это не тот порядок, поскольку имеющиеся данные не подлежат однозначному классифицированию. В разное время у разных людей были свои восприятие и система ценностей, поэтому одна и та же история по-разному ими и рассказывается.

Так как же соединить в одной точке две непересекающиеся прямые: Илья Муромец – защитник веры христианской и земли Русской и Илья Муромец – разрушитель церквей и организатор массовых неповиновений властям? Ответ один: таких «муромцев» не существует, а есть лишь былинный богатырь Илья Муромец – герой народных сказаний. В былинах подчеркиваются нестабильность и иллюзорность окружающего мира, в котором оказывается богатырь. Происходящие метаморфозы, предчувствие беды и нарастающее чувство беспокойства влияют на его поведение и создают мощный эмоциональный эффект. Вполне возможно, что ключом к пониманию концепции былинных рассказов является их трансформация. Илья Муромец и другие персонажи в каждой новой версии былины переосмысливают свои ценности и взгляды на жизнь. То есть их можно рассматривать как метафору духовного роста, пути к самопознанию и вере, проходящие через боль и испытания. В результате они вызывают размышления о религии и власти; праве, законе и политике; свободе и человеческой сущности и т. д.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, следует констатировать, что любая кодификация текстов былины, проводимая в соответствии с антирелигиозной советской идеологией, изменение смысла и перспективы повествования имели целью переформатирование и полное изменение образа мышления людей.

Во-вторых, с учетом современного состояния методологии научных исследований, героический эпос не может являться самостоятельным историческим источником. Он позволяет определить некоторые пути для истолкования неясных моментов социальной практики, зарождения обычаев, мировосприятия, менталитета, общественных устоев и представлений о справедливости, праве, государственной власти.

В-третьих, «правовое эпосоведение» сегодня можно оценивать как перспективное направление гуманитарного знания. В рамках этого направления с научной точки зрения представляется интересным изучение следующих вопросов: какие правила поведения, моральные нормы, обычаи и даже прото-правовые установки содержатся в эпосе; как эпические герои и их поступки демонстрируют идеалы справедливости, возмездия, ответственности, влияющие затем на формирование реального права; как эпос воздействовал на формирование правовой и социальной идентичности народов через их героические деяния и моральные дилеммы. Современное «правовое эпосоведение» поможет глубже понять корни правовой культуры, истоки концепций справедливости и правды, а также роль культурного наследия в формировании правосознания, представлений об основах российской государственности.

Список источников

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Книга Былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии. СПб., 1880.

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1894. – Т. 1.

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1896. – Т. 2.

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1900. – Т. 3.

Повесть временных лет. СПб., 2012.

Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. URL: <https://www.pravenc.ru/text/389413.html>.

Литература

Бабошина Е. В., Гусейнова И. С. Правовые основы взаимодействия Российского государства и Церкви в IX–XVII вв. / Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 322–327.

Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.

Козловский С. В. Илья Муромец и его время: историография и перспективы изучения образа былинного героя / Палеороссия. – 2016. – №5. – С. 177–189.

Коньратбай Т. А. О познавательной природе ногайлинского эпоса / Эпосоведение. – 2025. – № 2(38). – С. 51–59.

Миронов А. С. Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев : культурфилософский анализ. – Волгоград, 2021.

Петров А. В., Кибасова Г. П. У истоков формирования русского правового сознания (культурологический аспект) / Logos et Praxis. – 2014. – № 2. – С. 39–46.

Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901.

Почекаев Р. Ю. Тюрко-монгольские пословицы и поговорки как отражение средневекового права и политико-правовых реалий / Юрислингвистика. – 2025. – № 38. – С. 94–101.

Пропп В. Я. Основные этапы развития русского героического эпоса. М., 1958.

Русский фольклор. Эпические традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. – Т. 28.

С того света: Антирелигиозные сказки народов СССР. Харьков, 1959.

Сигалов К. Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России / Общество и право. – 2014. – № 1(47). – С. 27–31.

Фирсов Н. Н. Смута и народ на Руси в начале XVII века. М., 1918.

Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.

Чорнобай Е. Феноменологический смысл функций фольклорного права / Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія «Юридичні науки». – 2014. – № 782(1). – С. 96–101.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972.

Bendix R. F., Hasan-Rokem G. (eds). A companion to folklore. Chichester, 2012.

Chapman A. A. The legal epic: "Paradise lost" and the early modern law. Chicago, 2017.

FitzHerbert S. G. Law and the Gesar Epic / Cahiers d'Extrême-Asie. – 2017. – № 26. – P. 61–86.

References

Baboshina, E. V., Huseynova, I. S. (2019). Legal foundations of interaction between the Russian state and the Church in the 9th–17th centuries. Education and law, 5, 322–327 (in Russian).

Bendix, R. F., Hasan-Rokem, G. (eds) (2012). A companion to folklore. Chichester (in English).

Chapman, A. A. (2017). The legal epic: "Paradise lost" and the early modern law. Chicago (in English).

Chornobay, E. (2014). Phenomenological meaning of the functions of folklore law, Visnik of the National University "Lviv Field Engineering". Seruya "Legal i Sciences", 782(1), 96–101 (in Russian).

Firsov, N. N. (1918) Smut and the people in Russia at the beginning of the XVII century. Moscow (in Russian).

FitzHerbert, S. G. (2017). Law and the Gesar Epic. Cahiers d'Extrême-Asie, 26, 61–86 (in English).

Foinitsky, I. Ya. (1889). Doctrine of punishment in connection with prison science. St. Petersburg (in Russian).

From the Other World: Anti-Religious Fairy Tales of the Peoples of the USSR (1959). Kharkiv (in Russian).

Ilya Muromets (1958). Preparation of texts, article and comments by A. M. Astakhova. Moscow, Leningrad (in Russian).

Konyratbay, T. A. (2025). On the cognitive nature of the Nogaila epic. Epic studies, 2(38), 51–59 (in Russian).

Kozlovsky, S. V. (2016). Ilya Muromets and his time: historiography and prospects for studying the image of the epic hero. Paleorasia, 5, 177–189 (in Russian).

Mironov, A. S. (2021). The axiosphere of the Russian epic and the value choice of its heroes: cultural philosophical analysis. Volgograd (in Russian).

Petrov, A. V., Kibasova, G. P. (2014). At the origins of the formation of Russian legal consciousness (cultural aspect), Logos et Praxis, 2, 39–46 (in Russian).

Platonov, S. F. (1901). Essays on the history of troubles in the Moscow state of the XVI–XVII centuries. St. Petersburg (in Russian).

Pochekaev, R. Yu. (2025). Turkic-Mongolian proverbs and sayings as a reflection of medieval law and political and legal realities, Jurislinguistics, 38, 94–101 (in Russian).

Propp, V. Ya. (1958). The main stages of the development of the Russian heroic epic. Moscow (in Russian).

Russian folklore. Epic traditions. Materials and research (1995). St. Petersburg, 28 (in Russian).

Shchapov, Ya. N. (1972). Princely charters and church in ancient Russia. XI–XIV centuries. Moscow (in Russian).

Sigalov, K. E. (2014). Ideas about the nature of property and how to consolidate it in medieval Russia. Society and law, 1(47), 27–31 (in Russian).

Citation:

Ерохина Ю. В. Русский героический эпос и его роль в формировании представлений о государстве и праве: на примере былин об Илье Муромце // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 107–112.

Yerokhina Yu. V. (2026) Russian Heroic Epic and Its Role in Shaping Ideas about the State and Law: Case Study of the Epic Poems about Ilya Muromets. Legal Linguistics, 40, 107–112.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
